

АРАБСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: КУЛЬТУРА (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1804 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1880-Х ГГ.)

С.И. Лиман
(Харьков)

VII век почти одновременно вписал в скрижали всемирной истории два весьма грозных этнонима – арабов и хазар. Общеизвестны не только их политические и торговые связи. Вполне хрестоматийными признаются современными ориенталистами и факты религиозного влияния на Хазарский каганат со стороны Арабского халифата [Бубенок 2004, 25-26; Тортика 2006, 291-292]. Столь очевидная тесная связь хазароведения с арабистикой ставит важные задачи и перед медиевистикой в целом.

Изучение в XIX в. в Украине проблем арабского средневековья ещё не стало предметом специального исследования. В обобщающих историографических трудах, посвящённых анализу развития востоковедения в Российской империи, содержится весьма краткая и отрывочная информация о развитии арабистики в некоторых высших учебных заведениях украинских земель [Востоковедные центры в СССР 1988, 90; Истории отечественного востоковедения 1990, 250]. Особенно избирательный характер носит труд Б.М. Данцига «Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период)». Он включает в себя аннотационные данные о харьковском языкознании начала XIX в. и некоторые сведения о развитии в 30-40-е годы в Одессе, преимущественно в Ришельевском, лицее арабской нумизматики [Данциг 1973, 234-237]. Деятельность историков-арабистов из университетов Украины второй половины XIX в. осталась в данном случае не освещённой. Наиболее часто в трудах отечественных востоковедов обращалось внимание на творчество учёных Харьковского университета – М.Н.Петрова и В.К. Надлера [Крачковский 1950, 155; Ковалівський 1961 37-38; История отечественного востоковедения 1997, 77-78]. Значительно подробнее научное наследие этих, а также некоторых других харьковских профессоров, затрагивавших в своём творчестве эпоху средневековья (А.А. Дегурова, Б. Рейта) рассматривалось в кандидатской диссертации Л.А. Чувпило «Востоковедение в Харьковском университете в 1805-1917 гг.» [Чувпило 2002, 62-65, 127-134]. Персональный вклад М.Н. Петрова в развитие востоковедения подчёркивался и в автореферате кандидатской диссертации М.К. Кеда «Михайло Назарович Петров (1826-1887) та його внесок в історичну науку» [Кеда 2006, 13].

Представленный историографический обзор свидетельствует о том, что арабистика украинских земель в 1804 – первой половине 1880-х годов рассматривалась лишь фрагментарно, как правило, в рамках изучения научного наследия отдельных учёных и деятельности отдельных учебных заведений. Предлагаемая статья призвана заполнить существующий пробел в историографии. Её цель – на основе изучения максимально широкого круга источников показать

историю изучения различных проблем арабского средневековья в украинских землях Российской империи в 1804 – 1885 гг. – от открытия Харьковского университета до рубежа первого и второго этапов дореволюционной медиевистики. Опыт данных исследований рассматривается в рамках большой темы «Средневековая Западная цивилизация и Восточно-православный мир: общее и особенное (опыт исследования в Украине в 1804 – первой половине 1880-х гг.)».

Научное востоковедение зародилось ещё в XVIII в. в Западной Европе, а в XIX в. оно получило довольно интенсивное развитие. Наряду с филологией, текстологией, философией, изучением религий и древней истории, одной из главных дисциплин научного востоковедения стала средневековая история. [История отечественного востоковедения 1990, с. 3]. Особое место здесь занимало изучение арабского средневековья. Новую эпоху в общероссийской арабистике открыл Университетский Устав 1804 г., согласно которому впервые в программу высшей школы включалось преподавание восточных языков [Крачковский 1950, 73; Данциг 1973, 106]. Согласно этому же Уставу открывался Харьковский университет – первый в украинских землях Российской империи.

Арабистика Украины и её востоковедение являлись составной и неотъемлемой частью российского востоковедения XIX в. [История отечественного востоковедения 1990, с. 107; История отечественного востоковедения 1997, 75]. В историографии неоднократно подчёркивалось, что интерес к Востоку в украинских землях имел давние традиции [Востоковедные центры 1988, 88; История отечественного востоковедения 1990, 107]. Этот интерес проявлялся главным образом в изучении восточных языков в Киево-Могилянской академии и Харьковском коллегиуме. В новооткрытом Харьковском университете эти традиции были не только сохранены, но и преумножены. Здесь раньше, чем в других университетах России, удалось наладить преподавание восточных языков, в том числе и арабского [Чувпило 2002, 66]. Это преподавание в первое тридцатилетие существования Харьковского университета осуществляли И.-Г. Баренд и Б. Дорн [Данциг 1973, 106; Востоковедные центры 1988, 89; История отечественного востоковедения 1990, 112-113].

В отличие от области языкознания, успехи изучения в Харькове арабской истории в первые десятилетия XIX в. выглядели значительно скромнее. Первым историком украинских земель, который коснулся в своём творчестве арабского средневековья, был харьковский профессор французского происхождения А.А. Дегуров (А. Дю Гур). Контуры некоторых проблем исторической арабистики он частично очертил в двух своих актовых университетских речах: «Критика истории и её защита» (1808) и «О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812). В первой из них он высказался об арабском факторе в экономическом развитии Испании после Реконквисты. В другой – о значении арабского просвещения для этой страны. Так, причину упадка позднесредневековой Испании А.А. Дегуров усматривал прежде всего в изгнании испанским правительством из страны мавров и евреев [Дегуров 1808, 41]. А.А. Дегуров не пояснял, что те и другие были тесно связаны с торгово-промышленной деятельностью страны и не указал на одну из главных особенностей испанского абсолютизма – отсутствие протекционистской политики. Тем не менее,

католик А.А. Дегуров не стал оправдывать меры своих испанских единоверцев и его историческая объективность в отношении значения арабов в истории Пиренейского полуострова оказалась выше конфессиональных инстинктов.

Такой же подход учёный демонстрировал и в оценке уровня системы образования арабов. «Основанные ими училища в Испании, – указывал он, – куда для изучения стекались из всех частей Европы, возбудили соревнование во многих тогдашних государях, и Европа повсюду начинала усеиваться учебными заведениями» [Дегуров 1812, 42-43]. Тем самым, признавалось влияние, оказанное арабской наукой, культурой, образованием на создание новой, в том числе университетской, системы образования в христианской Европе.

Актовые речи А.А. Дегурова нельзя признать подлинно научным вкладом в изучение учёными украинских земель истории средневековых арабов. Они свидетельствовали скорее о перспективности исследований в данном направлении, чем об интересе к нему. В начальный период развития медиевистики в Украине (1804 – 1835 гг.) можно выделить ещё несколько подобных обращений.

Тематически актовая речь харьковского математика М. Байкова «О счётных системах» (1824) в какой-то степени продолжала затронутую А.А. Дегуровым проблему вклада арабских учёных в развитие средневековой науки. В своей речи М. Байков представил краткий очерк десятиричной системы, которая «в Европу перешла от арабов или испанских мавров» [Байков 1824, 11]. Учёный верно показал роль Герберта (в последующем папы Сильвестра II) в распространении этой системы в христианской части Европы после своего путешествия в арабскую Испанию, хотя ошибочно называл Герберта «доминиканцем». Сославшись на данные рукописей Лейденской и ряда других библиотек, сочинения арабских и византийских авторов, М. Байков доказывал происхождение десятиричной системы от индийцев, у которых она впоследствии была заимствована арабами. Отметим, что история средневековой математики и влияние на её развитие арабских учёных будет активно изучаться в Украине и впоследствии [Ващенко-Захарченко 1883].

Некоторые аспекты ориенталистики нашли отражение и в актовой речи ещё одного представителя Харьковского университета Б. Рейта «Восток» (1814). Весьма небольшая по объёму, данная речь, тем не менее, включала в себя обобщающий материал основных вех всемирно-исторического процесса. В современной украинской ориенталистике уже подчёркивалось, что Б. Рейт изображал мировую цивилизацию как результат последовательного развития единой ойкумены [Чувпило 2002, 65]. Действительно, учёный не стремился к резкому противопоставлению Востока и Запада. В то же время он указывал, например, на склонность «дикого степного духа» арабов к разрушению [Reith 1814, 4]. Б. Рейт перечислил основные вторжения восточных народов, в том числе арабов, в средневековую Европу и попытался дать им оценку в контексте общего диалога цивилизаций. Так, ослабление Арабского халифата, по мнению учёного, привело к «полному разъединению» связей Востока и Запада [Reith 1814, 4-5]. Подобные преувеличения целиком очевидны.

Распространению знаний об истории средневекового Востока в первой трети XIX в. способствовали также популярные и историко-художественные издания Харькова. Так, в «Календаре на лето Господне 1809», переведённом в Харьковском

коллегиуме с польского языка, наряду с такими глобальными событиями, как «Сотворение мира», «Ноев потоп», «Рождество Христово» фигурировали семь крупнейших происшествий и изобретений средних веков. Первым по времени среди них значилось крупнейшее события истории арабов и ислама: «От Египта или бегства Магометова» [Календарь 1809, 29].

Примером весьма удачного историко-художественного издания стали «Исторические анекдоты и избранные изречения известных людей» (1826) харьковской публицистки Л. Кричевской. Из 229 предложенных ею сюжетов 77, т.е. 1/3 были, посвящены средневековью, однако всего три из них – арабской истории. В одном случае, героем сюжета стал халиф Магади, в двух других – прославленный сирийско-египетский султан Саладин. Издание призвано было показать наиболее яркие черты великих людей, донести до читателя самые крылатые их высказывания. В этом плане к арабским героям Л. Кричевская оказалась куда благосклоннее, чем к ряду европейских королей. Халиф Магади, в её изображении, «источал щедроты» в Мекке, а в чертах характера Саладина публицистка выделяла не его непреклонность в джихаде против крестоносцев, а его великодушие как в обращении с пленным христианским рыцарем, так и со своими дерзкими приближёнными [Исторические анекдоты 1826, 37-38, 70].

С середины XIX в. в украинских землях характер публикаций по арабскому средневековью начинает меняться качественно и количественно. В историографии предпринималась попытка связать рост научного интереса к Востоку в середине XIX в. с подготовкой к реформе крепостного права, в связи с чем общественность волновали на Востоке те же проблемы, «которые заполняли политическую жизнь России» [Восток в общественно-политической мысли 1990, 6, 29]. Этот тезис, абсолютно верный в отношении интереса российской общественности и учёных к азиатским странам XIX в., лишь отчасти применим к эпохе арабского средневековья. Тематически новые работы в этом направлении содержали в себе мало исторических аналогий истории Востока и России, поскольку многие из них были посвящены историко-религиозной тематике – происхождению ислама.

Первым таким сочинением стало «Обозрение ложных религий: языческой, ново-иудейской и магометанской» (1849) ректора Харьковской духовной семинарии, архимандрита Израиля (Я.И. Лукина). Сам он оценивал своё сочинение исключительно как «историко-обличительное» [Лукин 1849, 3], и с этой точки зрения его цель вполне соответствовала и заглавию, и содержанию.

Работа Я.И. Лукина практически не содержала в себе сведений об истории домусульманской Аравии. В первую очередь, догматическая сторона ислама, содержание Корана и Сунны, стали главными объектами его изучения наряду с биографией пророка Магомета. Задачи учебного процесса духовной семинарии и, в связи с этим, пристрастное прочтение мусульманских священных книг способствовали крайне критическому отношению харьковского архимандрита как к самому исламу, так и к его основателю. «Пророком-самозванцем» нарекал он Магомета, а его личные качества под пером архимандрита выглядели как приговор: «кровосмешительные браки», многожёнство, безграмотность, «резкие черты фанатизма и бесчеловечия, необузданность к плотугодию и сладострастию, сильная страсть к преобладанию и корысти, лезть и месть, лукавство и хитрость»

[Лукин 1849, 99, 100-101, 127]. Своё обличение «любострастной жизни» Магомета Я.И. Лукин пытался черпать в содержании самого Корана: «Ни о каком предмете так многоглаголиво и красноглаголиво не толкует Магомет... как о чувственности и удовлетворении плотской похоти чрез многоженство и наложничество» [Лукин 1849, 113]. Такие оценки диаметрально противоположны трактовкам мусульманских богословов, в том числе известного в современном исламском мире Шейха Мухаммада Аль-Газали. В своём труде «Нравственность мусульманина» он называл главной целью миссии Магомета «усовершенствовать благородство нравственности», а первым, на что обращает внимание ислам – на недопустимость потакания своим страстям [Шейх Мухаммад Аль-Газали 2003, 12, 40].

Реестр претензий харьковского архимандрита к учению иноверцев включал в себя и ряд других пунктов. Я.И. Лукин стремился доказать, что в Коране с его предопределением Божьим уничтожается свобода человека, «сыновья любовь к Богу превращена в рабское ему повиновение», «любовь к ближнему ограничена одними магометанами», а сам Магомет «не доказал своего божественного посольства ни одним истинным пророчеством» [Лукин 1849, 128]. Острые антиисламские высказывания Я.И. Лукина появились в печати задолго до того, как станут широко известны аналогичные заявления известного казанского ориенталиста И.Н. Березина. Для И.Н. Березина, как и для Я.И. Лукина, Магомет – «лжеучитель и лжепророк», проповедь которого в конечном итоге привела Восток к «умственному усыплению» и общественному застою [Березин 1855, 94, 97].

Более объективен Я.И. Лукин в оценке причин быстрого распространения ислама в VII и последующих веках. Помимо военного фактора, харьковский архимандрит верно указывал на изнурительную внутреннюю борьбу в восточном христианстве между православными и приверженцами ересей. «Равно и в мире языческом в это же время происходила религиозная борьба политеизма и монотеизма», – подчёркивал он [Лукин 1849, 132]. Политические (борьба покорённых народов против Византии) и социально-экономические (невыносимый налоговый гнёт византийцев) факторы в работе Я.И. Лукина не фигурировали.

Целям религиозного воспитания служил и очерк А. Гассиева «Коран, его происхождение и образование» (1870), опубликованный в журнале «Труды Киевской духовной академии». В отличие от Я.И. Лукина, А. Гассиев весьма подробно показал особенности развития домусульманской Аравии. Целый параграф очерка носил название «Общественная жизнь и просвещение арабов до Магомета». Такой подход прямо вытекал из концептуальной трактовки автора о том, что Коран обязан «своим происхождением особым историческим условиям» [Гассиев 1870, 273]. И хотя весьма уязвимыми для критики могут представляться голословные утверждения А. Гассиева о том, что земледелие и скотоводство арабов до Магомета «развились почти на всём полуострове» [Гассиев 1870, 274], не только филологическую, но и историческую значимость представляют рассуждения автора очерка с Коране в контексте развития арабской поэзии VII в. «Общественное просвещение арабов до исламизма никогда не достигало высокой степени, такой, например, на какой стояло просвещение мавров в Испании», – указывал А. Гассиев. Считая, что это просвещение, в том числе и поэзия, уже находились при Магомете в упадке, автор отмечал: «Стиль Корана был новым явлением, эпохой в скудной литературе

арабов» [Гассиев 1870, 281, 286]. В этом А. Гассиеву виделась одна из причин быстрого распространения ислама среди арабов, традиционно проникнутых благоговейным отношением к поэзии.

К работам по истории средневекового ислама и личности Магомета примыкала и публичная лекция одесского историка церкви А.Н. Кудрявцева «Мухаммеданская религия в её происхождении, существе и отношении к религии христианской» (1876). Лекция стала отражением естественного общественного интереса к истории взаимоотношений двух мировых религий в связи с восстанием южных славян против османского владычества и резким обострением ситуации на Балканах. Подобно А. Гассиеву, А.Н. Кудрявцев показал краткую историю домусульманской Аравии и высказался о деятельности некоторых предшественников Магомета, проповедовавших на Востоке единобожие. Таким образом, автор верно подчёркивал, что идея о единобожии возникла среди арабов задолго до Магомета и «все те истины, которыми гордилось впоследствии мохаммеданство, уже издавна составляли существенную часть их (верований. – С.Л.)» [Кудрявцев 1876, 372].

А.Н. Кудрявцев признавал влияние на арабов христианства и иудаизма и проникновение их представителей в домусульманскую Аравию, но подчёркивал, что «ни те, ни другие не были истинными представителями своих религий: ибо иудеи в большинстве случаев были из числа талмудистов, а христиане из числа изгнанных из православных стран сектантов» [Кудрявцев 1876, 374]. А.Н. Кудрявцев более уважителен к личности Магомета, чем Я.И. Лукин; одесский историк отмечал, что, несмотря на припадки эпилепсии, Магомет отличался умом, наблюдательностью, умением притягивать к себе людей. Но в то же время А.Н. Кудрявцев в ещё большей степени, чем Я.И. Лукин, подчёркивал резко антихристианский характер самого ислама. Одесский историк разделял известное мнение Пальгрэва о том, что даже мусульманский запрет на вино сделан с единственной целью: «внушить недоверие к величайшему в христианстве Таинству Евхаристии» [Кудрявцев 1876, 382]. Систему других запретов в исламе А.Н. Кудрявцев так же пытался выводить из попыток мусульман противостоять христианству. А поскольку, – указывал он, – Коран «не есть кодекс одних религиозных верований, а есть вместе и кодекс постановлений гражданских... ненависть, какую пропитано мохаммеданство к христианству, необходимо отражаться должно и на остальных сферах жизни государственной» [Кудрявцев 1876, 387 – 388]. Тем самым А.Н. Кудрявцев не только оправдывал справедливость борьбы покорённых османами южных славян, но и абсолютизировал цивилизационный антагонизм христианской Европы и мусульманского Востока.

О роли ислама высказывались в рассматриваемый период и другие учёные. Яркий приверженец западных идей, харьковский профессор международного права Д.И. Каченовский в большой работе «О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России» (1862) отмечал: «Арабам пророк запретил совершать своё государство. И благодаря этому одному запрещению их общая жизнь скоро сделалась невыносимой; все их знания оказались ненужными и непрочными, потеряли цену и, может быть, принесли больше пользы другим, чем им самим» [Каченовский 1862, 4]. Такая уничижительная характеристика во многом сближала трактовки Д.И. Каченовского с высказываниями Я.И. Лукина и

А.Н. Кудрявцева. В то же время «окаменелость» «магомеданского мира» «коснение в основных его религиозных и политических началах» признавал и современник Д.И. Каченовского, крупный казанский востоковед А.К. Казем-Бек автор известной публикации «История ислама» [Казем-Бек 1860, с. 119].

Иной, подлинно научный подход к изучению истории ислама и личности Магомета демонстрировал харьковский профессор М.Н. Петров. О распространении ислама и создателе новой религии учёный много писал в лекциях «Визионеры в истории». Лекции должны были быть посвящены Магомету, Жанне д'Арк, Савонароле и Томасу Мюнцеру. Этот замысел учёного будет осуществлён в изданных, а затем и переизданных «Очерках всеобщей истории» (1865) («Всемирной истории очерках» (1882))* . Что же касается дошедшей до нас рукописи лекций «Визионеры в истории», то она включает в себя лишь преамбулу с общими замечаниями о визионерстве и единственную лекцию «Могаммед».

Опубликованный вариант этой лекции получил название «Могаммед. Происхождение ислама». Задачи, которые ставил перед собой автор, заключались в выяснении причин происхождения новой религии и оценке значения Магомета не как пророка, а как общественного преобразователя. М.Н. Петров использовал в своей работе результаты сочинений А. Шпренгера и Э. Ренана, доказывавших, что Магомет не сверхъестественное существо, а просто даровитый человек.

Объясняя причины монотеизма арабов, М.Н. Петров отвергает мнение о врождённой их способности к единобожию. Монотеизм арабов учёный объяснял особенностями географического характера. «Пустыня, – писал он, – с её неотразимым впечатлением единства и целостности мироздания, с незапамятных времён научила семита... поклоняться единому богу» [Петров 1882, 95]. Указывая другую причину возникновения ислама, М.Н. Петров отмечал фатализм, присущий жителям аравийских безлюдий: «Вот два существенных основания ислама – единобожие и фатализм – готовы. Сама природа и вызванные ею условия жизни искони вложили их в душу араба» [Петров 1882, 96].

Важной особенностью очерка М.Н. Петрова являлось его обращение к характеристике общественных отношений Аравии. Её жители, – утверждал он, – обладали такой широкой общественной свободой, о которой в цивилизованных государствах Европы не имеют и слабого понятия [Петров 1882, 98]. Тем самым, автор, по сути, восставал против распространённого в историографии европоцентризма и деления народов на «исторические» и «неисторические».

М.Н. Петров подверг весьма строгой научной критике многие подробности жизни Магомета. В биографии пророка учёный особо выделял два обстоятельства – его раннее знакомство с пустыней и его многочисленные путешествия. Первое обстоятельство, по мнению М.Н. Петрова, сформировало у Магомета «идею великого единого Бога», а «частые торговые поездки обогатили его ум многосторонней опытностью и наблюдениями жизни и людей, познакомили... с нуждами и интересами страны» [Петров 1882, 113-114]. Особое место в очерке было уделено и дискуссии об откровениях Магомета. М.Н. Петров отверг распространённое в европейской исторической науке мнение об «умышленном»

* Здесь и далее приводятся цитаты из второго издания «Очерков» (1882).

систематическом обмане»: «Могаммед искренне считал себя пророком, избранным Богом – и только эта искренность могла дать словам его авторитет и силу...» [Петров Б.г., л. 39; Петров 1882, 115]. Такой подход полностью противоречил известным заявлениям Вольтера, называвшим Магомета «великим обманщиком».

Однако М.Н. Петров не склонен был идеализировать личные качества героя своего очерка. Магомет предстаёт в нём вполне обыкновенным человеком, который и после «небесного избрания» продолжал заниматься торговлей [Петров 1882, 98]. Показательна и та роль, которую отводил М.Н. Петров Магомету в истории Востока. «Не отрицая несколько заслуг Мохаммеда, – повторял он вслед за А. Шпренгером, – я считаю... грубой ошибкой приписывать основание ислама исключительно его гению». «Не ему, – указывал далее харьковский историк, – а практически сильным мужам... и ещё более – напору внешних условий обязан ислам своим победоносным полётом» [Петров 1882, 153]. Таким образом, в творчестве М.Н. Петрова акцент делался на высокий организаторский талант Магомета: «Из разнообразнейших элементов религиозного развития, находившихся в это время в Аравии, он сумел создать общую систему, удовлетворявшую потребностям века» [Петров Б.г., л. 50]. Эти и другие выводы М.Н. Петрова получили высокую оценку в ориенталистике [Ковалівський 1861, 37-38; Чувпило 2002, 128]. В частности академик И.Ю. Крачковский не только считал, что данная работа «стояла на высоте передовой науки», но и противопоставлял её «тенденциям Казанской миссионерской школы» [Крачковский 1950, 155].

Наряду с изучением ислама, другим объектом исследований медиевистов Украины в области арабистики стала средневековая арабская культура и наука. Ученик М.Н. Петрова, харьковский историк В.К. Надлер затронул данную проблематику в работе «Культурная жизнь арабов в первые столетия геджире (622 – 1100) и её выражение в поэзии и искусстве» (1869). Обращаясь в своём творчестве прежде всего к анализу внутренней истории западноевропейских, зарубежных славянских народов и Византии, В.К. Надлер продемонстрировал данный подход и в своём востоковедческом сочинении. «Внутренняя жизнь всякого народа, достигшего значительной степени культуры, выражается, прежде всего, в поэзии и искусстве, – указывал учёный. – Все эти стороны народной жизни важны для историка не менее явлений чисто политических, государственных переворотов и внешних завоеваний» [Надлер 1869, 1]. И хотя, по собственному признанию автора, его сочинение не было целиком самостоятельным и базировалось на результатах лучших западноевропейских монографий, концептуализация В.К. Надлером значения для медиевистики внутренней истории вообще, культуры в частности, наряду с заявленной «чисто исторической» целью его работы, позволяют занести её и в творческий актив самого учёного, и арабистики украинских земель. На эту широту исторического подхода В.К. Надлера уже обращалось внимание в историографии [Крачковский 1850, 155].

В.К. Надлер полностью разделял трактовки передовых европейских учёных о синтетичности арабской культуры, вобравшей в себя достижения других народов. Троматные завоевания арабов, – указывал он, – повлекли за собой быструю перемену в их нравах и обстановке жизни, в их образе мыслей, в их политических и религиозных воззрениях» [Надлер 1869, 3]. Исследователь стремился опровергнуть

ряд стереотипных точек зрения, распространённых в отечественной исторической науке. Среди них – мнение о том, будто «скульптура и живопись остались навсегда чужды для араба» [Надлер 1869, 4]. В вопросе о причине их недостаточного широкого распространения в арабском мире, учёный выделял не религиозный, а ментальный аспект. «Не Коран, не законы религии, а особенное свойство национального духа, если хотите – недостаток, помешал этому развитию», – указывал он [Надлер 1869, 8]. И хотя подобный вывод небесспорен даже с точки зрения современной науки, обращает на себя внимание попытка В.К. Надлера уйти от традиционного в Европе представления о Коране, как о своде запретов на прогрессивные веяния культуры. Именно религия арабов, – доказывал он, – «первая вызвала потребность в удобных и великолепных постройках» [Надлер 1869, 8-9].

Особое место в арабской культуре учёный отводил поэзии. В отличие от других отраслей культуры, возникших под влиянием завоеванных народов, «арабская поэзия, – указывал он, – была древнейшим, самостоятельным и своеобразнейшим произведением народного духа» [Надлер 1869, 29]. Обращает на себя внимание, что, помимо древности и оригинальности арабской поэзии, В.К. Надлер подчёркивал также её широкое всеобщее распространение и её светский характер. Последнее замечание представляется весьма важным в контексте историко-сравнительного анализа западной и восточной культур.

Проблема межцивилизационного противостояния особенно ярко показана В.К. Надлером в главе, посвящённой Кордовскому халифату. Учёный высоко отозвался о культурном уровне арабов Испании. «Арабская культура, – отмечал он, – быстро достигла на Пиренейском полуострове самого блестящего развития» [Надлер 1869, 65]. По мнению харьковского ученого, в рассматриваемый период испанские арабы опередили все европейские народы не только своими успехами в науке, но также и «в общественном отношении» [Надлер 1869, 68]. В связи с этим, в отличие от многих других европейских авторов, В.К. Надлер нисколько не идеализировал характер и результаты испанской реконквисты. Он с негодованием писал об истреблении испанскими католическими священниками культурного наследия арабов [Надлер 1869, 109]. Однако, несмотря на ряд прогрессивных для того времени выводов и блестящий восторженный стиль, работа В.К. Надлера не была свободна от ряда ошибок. К ним исследователи его творчества традиционно относили неудовлетворительность приводимых переводов, прежде всего передачу имён и транскрипции [Крачковский 1950, 155]. И всё же вклад В.К. Надлера в отечественную арабистику очевиден. Помимо публикации вышерассмотренного труда, этот вклад выразился и в чтении им в Харьковском университете спецкурсов по истории средних веков. В 1871/72 уч. г. В.К. Надлер прочёл «Историю исламского мира до крестовых походов и в эпоху крестовых походов» [Обозрение преподавания 1871, 3], а в 1874/75 и в 1875/76 уч. гг. – «Происхождение ислама» [Обозрение преподавания 1874, 5; Обозрение преподавания 1875, 5].

Анализ средневековой арабской философии стал частью обширного историко-философского исследования профессора Нежинского историко-филологического института Н.Я. Грота «Психология чувствований» (1879). Несмотря на то, что данная монография увидела свет в скором времени после окончания популярнейшей русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда антитурецкие

настроения в российском обществе формировали соответствующее отношение к вероисповеданию османов, тем не менее, к родоначальникам этого вероисповедания Н.Я. Грот был так же уважителен, как и В.К. Надлер.

Нежинский учёный стремился объективно оценить роль арабских философов в том «громдном перевороте в схоластической науке», который произошёл в европейской философии благодаря распространению новых переводов и комментариев на сочинения Аристотеля. «Переворот этот, – указывал Н.Я. Грот, – имел следствием замену симпатий к новоплатонизму симпатиями к перипатетическим учениям. Главную роль в этом перевороте играли арабские философы, особенно Ависенна и Аверроэс...» [Грот 1879, 53]. Хотя вторая глава монографии, целиком посвящённая средневековой философии, носила характер предварительного обзора перед основным её материалом – философией XVIII – XIX вв., автору в целом удалось достаточно чётко и ёмко представить заслуги арабских учёных. «...Они, – подчёркивал Н.Я. Грот, – гораздо ранее перешли к реальному аристотелевскому направлению мышления, чем учёные запада, и служили руководителями последних к философии Аристотеля» [Грот 1879, 54]. Впрочем, этот вывод Н.Я. Грота не являлся оригинальным: ссылки на немецкого учёного Ф. Дитерикса, автора обширного сочинения об арабской философии, будут в рассматриваемом сочинении неоднократными. Однако обращает на себя внимание уже сам подход Н.Я. Грота к проблеме взаимовлияния средневекового Востока и Запада, в том числе в области культуры. Он далёк от высокомерного презрения к исламскому миру, вполне привычного и политически уместного в эпоху бурного европейского колониализма. При этом заслуги арабской философии в труде Н.Я. Грота были персонифицированы не только в выдающихся личностях Аверроэса или Авиценны. «...Арабские философы второго периода, как своими психологическими учениями, так и вообще всеми своими философскими воззрениями приблизились к Аристотелю, а так как переводы на латинский язык созданной ими аристотелевской литературы оказали громадное влияние на характер средневековой философии с XIII века, то, переходя к последней, мы должны ожидать некоторого изменения в понятиях, сравнительно с первым периодом» [Грот 1879, 56]. Подчёркнём, что героями последующего обзора Н.Я. Грота, а значит и, в значительной степени, последователей арабской философской системы являлись такие признанные европейские учёные, как Александр Алезский, Фома Аквинский, Эгидий Колонна, Дунс Скот, Бонавентура и др.

Анализ средневековой арабской науки составил краеугольный камень уникального в своём роде исследования киевского профессора М.Е. Ващенко-Захарченко «История математики» (1883). Хотя автор задумывал обширное многотомное издание, опубликован был лишь первый том, который как раз включал в себя эпоху древнего мира и средневековья. И в указанной монографии, и в актовой речи «Характер развития математических наук у различных древних и новых народов мира до XV в.» (1882), М.Е. Ващенко-Захарченко дал весьма высокую оценку заслугам арабских учёных (Магомед-бен-Муза, Авиценна, Аль-Бируни и др.). Считая их учителями средневековой Европы, а Багдад – «центром цивилизации, освещающий как Восток, так и Запад» [Ващенко-Захарченко 1882, 42],

киевский профессор, по сути, противопоставлял высочайший уровень арабской науки научному застою Старого континента в эпоху раннего и развитого средневековья. Лишь благодаря арабам, считал М.Е. Ващенко-Захарченко, в первые 800 лет после падения Западной Римской империи, «этот длинный промежуток времени не был для целого мира периодом варварства и невежества» [Ващенко-Захарченко 1883, 231].

Эти концептуальные выводы автора, а также последующие его рассуждения, требуют некоторых разъяснений. М.Е. Ващенко-Захарченко как математик априори сделал источниковой базой своей монографии математические труды арабских учёных, анализ которых мы, естественно, опускаем. Однако в той части его выводов, которые касаются цивилизационного значения средневековых арабов, наблюдаются некоторые противоречия между показанным киевским профессором значением арабской науки и арабской политической системой. «Достигнув высокого политического развития, покорив многие государства и распространив свое господство трёх частях света... арабы везде приносили с собою зачатки цивилизации», – таков один из основных выводов автора в заключении его работы [Ващенко-Захарченко 1883, 679]. Оставим в стороне простительный для не историка тезис о «высоком политическом развитии» арабов, в действительности весьма быстро расколовших на части свой огромный Халифат. Сфокусируем свое внимание лишь на отмеченном «экспорте» арабами цивилизации. В отличие от выводов, фактическое содержание монографии целиком свидетельствовало о том, что арабы, в основном, перерабатывали уже готовые математические сочинения и становились, по сути, популяризаторами идей других народов. В упоминавшейся актовой речи М.Е. Ващенко-Захарченко признавал: математические науки арабов не отличались «творческим духом» [Ващенко-Захарченко 1882, 47]. Данный тезис можно встретить и в монографии: «Познания свои в науках арабы заимствовали с одной стороны у греков, с другой у индусов, а затем в свою очередь передали многое Западу» [Ващенко-Захарченко 1883, 450]. Сама задача той части исследования, которая была посвящена арабам, по определению М.Е. Ващенко-Захарченко, сводилась к намерению изучить, «что было заимствовано арабами у индусов и греков, что было сделано ими самостоятельно» [Ващенко-Захарченко 1883, 450]. Эти достижения средневековых арабских математиков киевский учёный усматривал, прежде всего, в оригинальных попытках «приложить алгебру к геометрии и обратно» [Ващенко-Захарченко 1883, 451]. Однако доказательства научных заимствований арабов у Евклида, Архимеда, Птолемея, Диафанта, Ариабгаты, Брамагупты и др. можно встретить в монографии значительно чаще. Первые знакомства арабов с математическими и естественными науками других народов М.Е. Ващенко-Захарченко относил к VIII в. Но к этому времени в основном закончились арабские завоевания, и носители этих завоеваний не могли приносить своим оружием уже готовую высокую цивилизацию, поскольку сами лишь усваивали таковую. Укажем, наконец, ещё на один из выводов автора, имеющий отношение к проблеме научных заимствований. Относительно происхождения так называемых арабских цифр и десятичной системы исчисления М.Е. Ващенко-Захарченко высказал не утверждение, а лишь предположение, что они были заимствованы арабами у индусов [Ващенко-Захарченко 1883, 681-682].

Противоречивы оценки значения средневековых арабов и в очерке другого киевского учёного В. Андреева «Границы исторического мира, государств и городов в их последовательном развитии» (1874). Несмотря на то, что автор тенденциозно делил народы на исторические и неисторические, и к числу последних причислял народы, обречённые на «застой», тем не менее, он представил в своей работе ряд прогрессивных трактовок. Считая условием исторического прогресса взаимное общение друг с другом различных народов [Андреев 1874, 135], автор именно с этой точки зрения оценивал влияние на Европу средневековой арабской цивилизации. Период военно-политических успехов арабов в византийских владениях и Испании учёный именовал «эрой мусульманского преобладания» [Андреев 1874, 139]. Автор особо подчеркнул огромную культурную роль «мавританского юго-запада Европы» именно в то время, «когда папство и монашество потеряли значение проводников образования» [Андреев 1874, 144]. Однако, показав в одном месте значение для Старого Континента арабской науки и культуры, В. Андреев в другом случае утверждал, что средневековые Европа и Азия, эти «два средоточия образованности существуют независимо друг от друга» [Андреев 1874, 139]. Крупнейшее столкновение двух цивилизаций – крестовые походы – представлялись В. Андрееву всего лишь «отпором» Запада арабско-сельджукскому Востоку, причём отпором «слабым и недолговечным», по крайней мере, до полного изгнания арабов из Испании в результате Реконквисты [Андреев 1874, 139].

В рассматриваемый период в украинских землях не было создано обобщающих работ, посвящённых истории арабов в средние века. Отметим, однако, что до второй половины 1880-х годов здесь не было подготовлено и ни одного университетского учебника, посвящённого эпохе средневековья в целом. Частично данную нишу заполнило учебное пособие для воспитанниц институтов благородных девиц и воспитанников гимназий «Курс истории средних веков» известного киевского учёного В.Я. Шульгина [Виталий Яковлевич Шульгин. Некролог 1879, 11]. Данное пособие, выдержавшее в 50-80-х гг. множество переизданий, использовалось в те годы и университетскими студентами [Бузескул 1929, 97]. Его качественные отличия от других современных ему учебников, в частности от изданного в том же Киеве учебника по истории средних веков Ю. Функе, безоговорочно признавал даже столь авторитетный медиевист как Ф.Я. Фортинский [Фортинский 1885, 6]. Новаторские подходы В.Я. Шульгина проявились не только в том, что он включил в свой курс, помимо Западной Европы и Византии, историю зарубежных славян и восточных народов, в том числе арабов, но и в том, что изложение так называемых внешних политических событий в учебнике отодвинуто на второй план, и особенное внимание обращено на внутреннюю жизнь народов в её юридических, экономических, нравственно-религиозных, умственных и художественных проявлениях» [Шульгин 1858, II]. Эта передовая методика настолько опережала представления чиновников Министерства Народного просвещения о требованиях к учебной литературе, что в официальном министерском обозрении учебников по всеобщей истории шестое издание курса В.Я. Шульгина (1865) было подвергнуто уничтожающей критике. «Сущность предмета истории, как науки, требует, чтобы политической истории дано было в преподавании господствующее место», – гласил вердикт безымянного критика

В.Я. Шульгина [Наша учебная литература 1868, 957]. «Эта книга не для учеников гимназий, а для преподавателей...», – отмечалось в другом месте данного отзыва [Наша учебная литература 1868, 966].

Вышеизложенные полярные оценки значения курса В.Я. Шульгина во многом проясняют для нас и его подходы к средневековой истории арабов. С целью как можно более полного выяснения взглядов учёного на арабское средневековье мы позволим себе сравнить первое (1858 г.) и восьмое (1881 г.) издания его «Курса истории средних веков». В обоих изданиях арьергардный 9-й параграф первого периода (до 1095 г.) носит одинаковое название «История аравитян». В восьмом издании В.Я. Шульгин оставил дословно неизменным весь период арабской истории до 60-х гг. VII в. Описывая домусульманскую Аравию, учёный представил этническую, ментальную, социальную, конфессиональную её картину и охарактеризовал, в первую очередь, политические причины проповеди ислама. По его мнению, в желании стать «соединителем и повелителем своего народа... Магомет разгадал великую истину, что религия, как могущественный двигатель человека – есть вернейшее средство к соединению раздробленных бедуинов в один вдохновенный и сильный народ» [Шульгин 1858, 96]. Именно политическими целями (желанием привлечь иудеев и христиан) В.Я. Шульгин склонен был объяснять признание Магометом пророками Моисея и Христа.

Заметно подробнее, чем в первом, в восьмом издании представлена история Омейядов и Аббасидов. В персональном плане В.Я. Шульгин, следуя научной инерции, связывал наивысший культурный и экономический расцвет Арабского халифата с именами Аль-Мансура, Гарун-аль-Рашида и Аль-Мамума [Шульгин 1881, 99-100]. Однако последующий распад халифата и застой средневекового арабского общества В.Я. Шульгин, в силу европейской традиции своего времени, связывал не столько с политическими или экономическими, сколько с конфессиональными его особенностями. «В исламе довольно было нравственно-религиозной силы для того, чтобы пробудить усыпленные народы востока к деятельности, но в нём мало было сил для постоянного и постепенного развития народов» [Шульгин 1881, 102]. Несмотря на подобные оценки, киевский учёный полностью признавал огромную роль арабов в просвещении Европы: «Они отчасти рассеяли варварство, которое покрывало два столетия Западную Европу, возвратили средневековые народы к источникам греческой образованности, не только способствовали к сохранению учёных приобретений древнего мира, но ещё расширили их и открыли новые пути для естествознания» [Шульгин 1881, 104]. Данный вывод целиком выдержан в духе прогрессивных трактовок других учёных украинских земель, неоднократно подчёркивавших высокое межцивилизационное значение средневековой арабской культуры.

В современной историографической литературе отмечалось, что первостепенная задача арабистики в Российской империи с сер. XIX в. «связывалась с отечественной историей» [История отечественного востоковедения 1997, 183]. Однако в её украинских землях данная тенденция проявилась менее отчётливо. И не только потому, что практически все рассмотренные выше исследования были созданы учёными, не специализирующимися непосредственно на изучении отечественной истории. Разумеется, были и другие публикации,

содержание которых может отчасти подтвердить мнение, содержащееся в приведённой цитате. Отчасти, потому что количество их весьма невелико. Это, прежде всего, полемическая статья стипендиата для приготовления к профессорскому званию, известного впоследствии номадиста П.В. Голубовского «Известия Ибн-Фодлана о руссах» [Голубовский 1882]. Источниковедческий аспект проблемы отражали и две рецензии – киевского слависта Т.Д. Флоринского и одесского византиниста Ф.И. Успенского на сочинение известного арабиста В.Р. Розена «Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского». «Свидетельства арабских историков, как известно, составляют весьма важный источник для истории Византии и славянства», – подчёркивал Т.Д. Флоринский [Флоринский 1883, 131]. С этой точки зрения он весьма высоко отозвался об эпистолярном наследии арабского летописца Яхьи Антиохийского, считая его летопись «одним из важнейших источников» по истории Сирии, Египта, Византии, поскольку Яхья «несомненно, имел возможность собирать материалы из первых рук» [Флоринский 1883, 134]. Важность известий Яхьи для болгарской истории и выяснения русско-византийских отношений в 986-989 гг. признавал и Ф.И. Успенский. Это не помешало одесскому византинисту признать ошибочными ряд сведений арабского летописца, в частности, о сыновьях царя Петра [Успенский 1884, 290-291]. Три приведённые выше публикации, хотя и раскрывали значение сведений арабских авторов для реконструкции истории южных и восточных славян, тем не менее, и качественно и количественно уступали исследованиям по средневековой арабской истории, не связанным непосредственно с изучением отечественной тематики.

История средневековых арабов изучалась в рассматриваемый период не только в высших учебных заведениях Украины, но и в Одесском обществе истории и древностей (ООИД). Учреждённое в 1839 г., ООИД хотя и ставило перед собой задачу исследования прошлого Новороссии и Бессарабии [Брун 1870, 10], тем не менее касалось и востоковедческой тематики. Активным членом общества был В.В. Григорьев, который с 1838 по 1844 г. возглавлял кафедру Института восточных языков Ришельевского лицея [Данциг 1973, 234-237]. В этом лицее, помимо преподавания арабского языка, В.В. Григорьев на практических занятиях объяснял арабские «письма и дипломатические акты», а также суры Корана (вторую и третью) [Обозрение преподавания 1842, 19; Обозрение преподавания 1843, 15]. Но хотя В.В. Григорьев и признаётся в историографии «единственной яркой фигурой лицея» [Данциг 1973, 235], в летопись ООИД он всё же вписал более яркую страницу. В историю общероссийской арабистики В.В. Григорьев вошёл, прежде всего, как нумизмат. Именно в «Записках ООИД», в первом их томе за 1844 г., было опубликовано известное исследование «О куфических монетах, находимых в России и Прибалтийских странах»*. Верно указав на то, что восточные, в том числе арабские, монеты «не обратили ещё на себя внимания ни одного русского учёного» [Григорьев 1876, 110], автор со скрупулёзной точностью привёл в своей публикации результаты 88 находок куфических монет в России, Норвегии, Дании, Швеции, немецких государствах с конца XVII до начала XIX в. Среди этих немецких

* В данной статье мы ссылаемся на более позднее издание указанной публикации, помещённой в сборнике исследований В.В. Григорьева, вышедший в 1876 г.

государств по обилию находимых в них средневековых арабских монет он особенно выделял приморский Мекленбург [Григорьев 1876, 120]. Найденные в разных странах монеты VIII – начала XI вв., по утверждению автора, «суть или азиатские или африканские и испанские», попавшие в Северную и Восточную Европы главным образом посредством торговли [Григорьев 1876, 143, 157, 160].

Большое значение В.В. Григорьева, как автора первого отечественного труда по арабской нумизматике, уже подчёркивалось в ориенталистике [История отечественного востоковедения 1990, 250]. Отметим также, что восточная, в том числе арабская, нумизматика входила в число научных интересов немецкого дипломата, сотрудника консульства Германии в Одессе О. Блау. Немецкий дипломат являлся действительным членом ООИД и печатался в его «Записках» [Блау 1879]. Однако ежегодно пополняемое нумизматическое собрание Музея ООИД в феврале 1879 г. подверглось ограблению. Как сообщал в своём письме в Херсонесский монастырь руководитель ООИД Н.Н. Мурзакевич, воры пробрались ночью в Музей Общества, «вытащили шкаф с монетами эллинскими и восточными золотыми, серебряными и медными и унесли монеты в количестве свыше 5000» [Дело о производстве 1879, л. 89]. Среди них была и коллекция арабских монет.

Большую роль в деятельности ООИД сыграл и профессор Одесского университета Ф.К. Брун. Часть его многогранного творчества была посвящена ориенталистике. В своих публикациях учёный обычно помещал отрывки из исторических сочинений или источников, сопровождаемых научным комментарием. К числу первых принадлежит его публикация «О дипломатических сношениях египетского султана Бибарса с золотоордынским ханом Берке» (1867). Поместив перевод отрывка сочинения Картмера «История мамлюкских султанов Египта», Ф.К. Брун высказал сомнение, «был ли приведенный калиф Гакем действительно из дому Аббасидов» [Брун 1867, 612]. Описание возведения калифа Гакема в сан с его родословной входило в пакет документов, с которыми по распоряжению египетского султана Бибарса были направлены к монголам с целью обратить их в ислам правовед Меджд-эддин и Сейф-эддин-Кештек. И хотя несогласие Ф.К. Бруна носило частный характер и не ставило под сомнение миссионерскую цель данного посольства, замечание одесского историка свидетельствовало о его эрудиции в области востоковедения вообще и арабистики в частности.

В свете всего вышеизложенного, уместно остановиться в заключении на историографической дискуссии о времени возникновения в Российской империи вообще и в её украинских землях самостоятельной арабистической научной школы. Так, И.Ю. Крачковский считал, что в истории отечественной арабистики «с первых десятилетий XIX в. можно проследить начало непрерывной линии и создание самостоятельной школы» [Крачковский 1950, 13]. Существует и противоположная точка зрения. Согласно ей, самостоятельная школа арабистики зарождается только к концу XIX века [История отечественного востоковедения 1997, 187]. Применимо к украинским землям, следует признать, что говорить о самостоятельной непрерывной школе арабистики в 1804 – первой половине 1880-х гг. было бы определённой научной натяжкой. По сути, все рассмотренные выше труды были созданы учёными, специализирующимися непосредственно не на арабистике, а на всеобщей истории, истории религий, философии, математике, нумизматике. В то же

время, нуждается в некоторой корректировке высказанное вслед за В.В. Бартольдом мнение Б.М. Данцига о том, что Институт Восточных языков при Одесском Ришельевском лицее влачил «жалкое существование» и не оказал никакого влияния на ход развития отечественного востоковедения [Данциг 1973, 237]. Столь уничижительная оценка вклада Института Восточных языков в развитие общероссийской арабистики явно контрастирует с распространённым мнением о том, что эпохальным событием в её развитии стало открытие в 1855 г. при Петербургском университете Факультета восточных языков [История отечественного востоковедения 1997, 157]. Между тем, Одесский Институт Восточных Языков существовал ещё с 1828 по 1854 гг., (с 1837 г. – в составе Одесского Ришельевского лицея, приравненного Университетским Уставом того же года к российским университетам).

Подводя итог изучения в украинских землях Российской империи в 1804 – первой половине 1880-х гг. различных проблем арабского средневековья, следует подчеркнуть, что труды, в той или иной степени посвящённые арабистике, создавались здесь в течение практически всего рассматриваемого периода. В проблемном плане можно выделить два наиболее приоритетных направления исследований: происхождение ислама и история арабской науки, образования, культуры. Несмотря на преимущественно критическое отношение отечественных арабистов к истории ислама и личности Магомета, другой доминирующей тенденцией являлось безоговорочное признание положительного влияния арабской науки и образования на средневековую Европу. Хронологически исследования учёных украинских земель охватывали главным образом раннее арабское средневековье. Эти исследования были подготовлены в трёх главных университетских центрах – Харькове, Одессе и Киеве. В персональном плане наибольший вклад в изучение различных проблем арабистики внесли В.В. Григорьев (арабская нумизматика), М.Н. Петров (личность Магомета и происхождение ислама), В.К. Надлер (культура арабов раннего средневековья), М.Е. Ващенко-Захарченко (история арабской математики). Хотя столь очевидные успехи и не привели к созданию собственных школ арабистики в Харькове, Киеве, Одессе, тем не менее, они создали благоприятные условия для последующих востоковедческих исследований в Украине.

Литература

- Андреев В. Границы исторического мира, государств и городов в их последовательном развитии // УИ. – 1874. – №4. – С. 133 – 163.
 Байков М. О счётных системах // Речи, произнесённые в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1824 г. – Х., 1824. – С. 1 – 20.
 Березин И.Н. Мусульманская религия в отношении образованности // Отечественные записки. – 1855. – Т. 98. – С. 1 – 40; 81 – 108.
 Блау О. Восточные монеты и другие предметы музея из Самарканда // ЗООИД. – 1879. – Т. 11. – С. 321 – 322.
 Брун Ф. О дипломатических сношениях египетского султана Бибарса с золотоордынским ханом Берке // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 612 – 622.

Брун Ф. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. – Одесса: Тип. П. Францова, 1870. – 35 с.

Бубенок О.Б. К вопросу о причинах веротерпимости в Хазарии // Хазарский альманах. – К. – Харьков, 2004. – Т. 1. – С. 25 – 33.

Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX в. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – Ч.1. – 218 с.

Ващенко-Захарченко М. Характер развития математических наук у различных древних и новых народов мира до XV в. // УИ. – 1882. – №1. – С. 21-48.

Ващенко-Захарченко М.Е. История математики. Исторический очерк развития геометрии. – К.: Тип. университета, 1883. – Т. 1. – XI, 684 с.

Восток в общественно-политической мысли России (середина XIX в.). – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 58 с.

Востоковедные центры в СССР. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. – Вып. 1. (Азербайджан, Армения, Грузия, Украина). – 128 с.

Гассиев А. Коран, его происхождение и образование // Труды Киевской Духовной академии. – 1870. – №11. – С. 273 – 323.

Голубовский П.В. Известия Ибн-Фодлана о руссах // УИ. – 1882. – №6. – С. 1 – 30.

Григорьев В.В. О куфических монетах, находимых в России и Прибалтийских странах // Григорьев В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время. – СПб., 1876. – С. 107 – 169.

Грот Н.Я. Психология чувствований // Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. – 1879. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 1 – 410.

Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. – 434 с.

Дегуров А.А. Критика истории и её защита // Речи, произнесённые в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1808 г. – Х., 1808. – С. 32 – 47.

Дегуров А.А. О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света // Речи, произнесённые в торжественном собрании Харьковского университета 17 января 1812 г. – Х., 1812. – С. 40 – 50.

Дело о производстве археологических раскопок в местности, где находится древний Херсонис. – СГГА. – Ф.19. – Оп.1. – Д.10. – Л.89. Императорское Одесское общество истории и древностей – настоятелю, отцу Андрею (1879).

Исторические анекдоты и избранные изречения известных людей / Издание Любоми Кричевской. – Х.: Тип. ун-та, 1826. – 107 с.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 435 с.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 536 с.

Календарь на лето Господне 1809. – Х.: Тип. университета, 1809. – 127 с.

Казем-Бек А.К. История ислама // Русское слово. – 1860. – №2. – С. 119 – 153.

Каченовский Д. О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России. – Х.: Тип. университета, 1862. – 172 с.

Кеда М.К. Михайло Назарович Петров (1826-1887) та його внесок в історичну науку: Автореферат... канд. іст. наук. – К., 2006. – 20 с.

Ковалівський А.П. Антологія літератур Сходу. – Х.: ХДУ, 1961. – 452 с.

Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – 298 с.

Кудрявцев А.Н. Мохаммеданская религия в её происхождении, существе и отношении к религии христианской // ЗНУ. – 1876. – Т. 20. – С. 369 – 388.

Лукин Я.И. (Архимандрит Израиль) Обзорение ложных религий: языческой, ново-иудейской и магометанской. – Х.: Тип. университета, 1849. – 143 с.

Надлер В.К. Культурная жизнь арабов в первые века геджеры (622 – 1100) и её выражение в поэзии и искусстве. – Х.: Тип. университета, 1869. – 110 с.

Наша учебная литература: обзорение учебников по всеобщей истории // ЖМНП. – 1868. – №3. – С. 955 – 967.

Обзорение преподавания наук в Ришельевском лицее в течение 1842–1843 учебного года. – Одесса: В городской тип., 1842. – 20 с.

Обзорение преподавания наук в Ришельевском лицее в течение 1843–1844 учебного года. – Одесса: В городской тип., 1843. – 16 с.

Обзорение преподавания предметов в Харьковском университете на 1871-1872 учебный год. – Х.: Тип. университета, 1871. – 29 с.

Обзорение преподавания предметов в Харьковском университете на 1874-1875 учебный год. – Х.: Тип. университета, 1874. – 31 с.

Обзорение преподавания предметов в Харьковском университете на 1875-1876 учебный год. – Х.: Тип. университета, 1875. – 31 с.

Петров М.Н. Визионеры в истории. – ОР ЦНБ ХНУ. – Ед. хр. 501/с. – 51 л.

Петров М.Н. Мохаммед. Происхождение ислама // Петров М.Н. Из всемирной истории очерки. – Х., 1882. – С. 87 – 155.

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). – Х.: ХГАК, 2006. – 553 с.

Успенский Ф.И. [Рецензия] // ЖМНП. – 1884. – №4. – С. 282 – 319. – Рец. на кн.: Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. – СПб., 1883.

Флоринский Т.Д. Новые книги по южнославянской истории // УИ. – 1883. – №4. – С. 131 – 152.

Фортинский Ф.Я. [Рецензия] // УИ. – 1885. – №1. – С. 1 – 17. – Рец. на кн.: Функе Ю. Учебник всеобщей истории. Средние века. – К., 1884.

Чувпило Л.А. Востоковедение в Харьковском университете (1805 – 1917 гг.). – Диссертация... канд. ист. наук. – Х.: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2002. – 261 с.

Чувпило Л.А. Зарождение востоковедения в Харьковском университете (1805 – 1828) // Хазарский альманах. – 2004. – Т. 3. – С. 186 – 203.

Шейх Мухаммад Аль-Газали. Нравственность мусульманина / Пер. с араб. А.И. Рустамов. – К.: Ансар Фаундейшн, 2003. – 363 с.

Шульгин В. Курс всеобщей истории. История средних веков. – К.: Тип. университета, 1858. – IV, 230 с.

Шульгин В. Курс истории средних веков. – Издание 8-е. – К.: Тип. университета, 1881. – XXIII, 256 с.

Reith. Der Orient // Речи, произнесённые в торжественном собрании Харьковского университета 25 декабря 1814 г. – X., 1814. – С. 1 – 8.

SUMMARY

S.I. Liman
Kharkov

The Middle Ages of Arabs: history and culture (experience of study in ukrainian lands of Russian empire in 1804 – first half of 1880s).

The article dwells on the history of study of various Arab medievity problems by Ukrainian scholars. The Two priority spheres of study are specified: the origins of Islam and history of Arab science, culture, education. In spite of predominantly critical attitude of Ukrainian Arabists to the history of Islam and to the person of Mohammad, another dominant trend was unconditional admission of the positive effect of Arab science and education on medieval Europe. Those studies were prepared at three basic university centers – Kharkov, Odessa and Kiev. Among the persons who made the most substantial contribution to the study of various Arabistic problems were V.V. Grigoryev (Arab coinage), M.N. Petrov (person of Mohammad and the origin of Islam); V.K. Nadler (culture of early medieval Arabs), M.E. Vashchenko-Zakharchenko (history of Arab mathematics).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

ЖМНП – Журнал Министерства Народного просвещения
ЗНУ – Записки Новороссийского университета
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ОР ЦНБ ХНУ – Отдел рукописей Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина
СГГА – Севастопольский Городской Государственный Архив
УИ – Университетские известия.

